

О ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЙ ДАРДМЕНДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

© Э.Ф.Нагуманова

В данной статье дается анализ переводов стихотворений Дардменда на русский язык; рассматриваются особенности передачи поэтики стихотворений Дардменда в переводах, выявляются трансформационные изменения в них, обусловленные несовпадением лексических систем языка оригинала и языка перевода, а также эстетическими факторами.

Ключевые слова: перевод, поэтика, трансформация, силлабика, аруз.

Переводы стихотворений татарских поэтов начала XX века на русский язык – малоизученная проблема в нашем литературоведении. Практически нет работ, посвященных выявлению закономерностей инонационального восприятия лирических произведений Дардменда. Вместе с тем в науке существует целый ряд исследований, рассматривающих своеобразие лирики Дардменда. Так, в татарском литературоведении стоит выделить работы М.Гайнуллина, Ю.Г.Нигматуллиной, А.М.Саяповой, Г.Халита и других, в которых представлен подробный анализ особенностей его поэзии. А.М.Саяпова в монографии "Дардменд и проблема символизма в татарской литературе" пишет о том, что сквозная тема творчества поэта – "неизбежный трагизм человеческого существования. В его лирике нет отражения внешней действительности, не она определяет жизнь поэта, определяет ее духовная и душевная жизнь человека" [1: 32]. Далее исследовательница отмечает, что он создал особый тип лирического героя, который погружен в раздумья о человеческом существовании, о недостижимости идеала. По словам Г.Халита, Дардменда отличает желание превратить поэзию "в выразительницу чистой красоты, в словесную искусственность, воспаряющую над действительностью" [2: 164].

Цель данной статьи – определить художественное своеобразие переводов Н.Беляева и С.Липкина стихотворений Дардменда, выделить трансформационные изменения, объективно возникающие в них. Основное внимание уделяется стихам татарского поэта, которые неоднократно переводились на русский язык, ("Бүзләрем маналмадым" ("Не сумел я окропить савана"), "Жэй үтте" ("Лето ушло")).

Стихи Дардменда музыкальны, напевны, поэт стремится к гармонии формы и содержания, каждое слово в его произведениях имеет глубоко символическое значение. Как отмечает Ю.Г.Нигматуллина, "афористичность мышления, лаконизм поэтической формы, органическое сочетани-

ние риторики и лиризма – все эти отличительные черты дардмендовского творчества восходят к традициям восточной поэзии" [3: 185]. Поэтому переводить Дардменда крайне сложно, практически невозможно воссоздать все нюансы, характерные для его стихов на языке перевода. Тем более что в стихах форма – размер, ритм, рифма, звукопись – имеет самодовлеющую ценность, поэтому именно стихи особенно много теряют в переводе, утрачивают авторскую индивидуальность, языковое своеобразие, непередаваемые средствами другого языка, а вместе с этим зачастую и подлинность образов, непосредственность мысли и чувства.

Н.Беляев и С.Липкин сумели в переводах воспроизвести идейно-художественное своеобразие дардмендовских стихотворений, в лучших из данной группы переводов воссозданы и стилистические особенности, и интонационное многообразие оригинала. В то же время не все переводы следует считать удачными, в них довольно часто изменяется ритмический рисунок стихов татарского поэта, в некоторых из них трансформации подвергается образный уровень лирических произведений. Для подтверждения вышесказанного обратимся непосредственно к рассмотрению переводов Н.Беляева и С.Липкина.

Оба переводчика известны широкому кругу читателей как талантливые поэты. Так, С.Липкин переводил многие произведения восточных авторов, в частности, поэмы Фирдоуси "Сказание о Бахраме Чубине" и "Шахнаме", А.Навои "Лейли и Меджнун", "Семь планет". В его переводах воссоздано своеобразие поэтического языка оригинала, метод его работы над словом прежде всего продиктован "чувством адресата", стремлением донести до читателя как содержание, так и национальное своеобразие подлинника.

Переводы Н.Беляева стихотворений Дардменда в основном отражают внутреннее состояние поэта, его переживания и страдания. Он умело передает не только основную мысль стихотворений татарского поэта, но пытается воссоз-

дать и поэтические особенности его произведений. Так, в переводе стихотворения "Бүзләрем маналмадым" ("Не сумел я окропить савана") мы находим то же развитие темы, что и в оригинале. Раздумья и переживания героя Дардменда окрашены элегическими тонами, полны печали. Оглядываясь в прошлое, он опасается, что настоящее полно еще большей печали, а будущее беспросветно. Н.Беляев за счет повтора слов "горел – горевший – горестный – горе" передает основную тональность дардмендовского стиха, его перевод наполнен тем же горестным чувством, что и оригинал.

С.Липкин внес в перевод данного стихотворения тональность, не соответствующую духу оригинала. Это проявляется как на лексическом, так и на образном и ритмико-интонационном уровнях. Переводчик прежде всего стремится донести основную мысль оригинала до *своего* читателя, поэтому он подстраивает перевод к существующим в русской лирике середины XX века традициям. Как известно, "любой перевод (потому переводы и устаревают) движется в пространстве литературных традиций и условностей, неизбежно влияющих на решения, продиктованные вкусом" [4: 328]. В переводе С.Липкина мы встречаем множество слов и выражений, не соответствующих дардмендовской поэтике: "не брал щедрот", "рука надежды", "любовь к родной стране", "радостные надежды", "нагорный мой цветок" и т.п. Отдельные строки снижают общую элегическую тональность стихотворения татарского поэта, тем самым С.Липкин "сглаживает" многие индивидуальные особенности оригинала.

Для наглядности сравним переводы последних строк стихотворения Дардменда: "Житте дәфнем вакты, // Кәфнем бүзләрен маналмадым!.. // Вэйля!.. // Дәри-и-и-гь! // Бүзләрем маналмадым!!!" [5: 50]. ("Пришло время хоронить, // Не окропил я бязи для савана. Какая жалость! Какая скорбь! Не сумел я окропить савана". <Подстрочный перевод наш – Э.Ф.>). Перевод Н.Беляева: "Но вот и часа смертного дождался, // А саван мой священной водой // Неокропленным навсегда остался. // О, горе мне! Увы, но саван мой // Неокропленным навсегда остался!" [6: 32]. Перевод С.Липкина: "И смерть пришла. Но саван где? // Ах, ткани белой не соткал я. // Как больно мне, // Как тяжело мне, – // На саван ткани не соткал я!" [7: 162]. Для передачи высокой патетики в оригинале поэт использует арабизмы, которые являются важной смысловой частью контекста и порождают соответствующую эмоциональную реакцию. В приведенных строках всю душевную боль Дардменда передают слова "вэйля" и "дә-

ригь". Вопросительная конструкция и междометие "ах" в переводе С.Липкина снижают трагизм оригинала, делают звучание стиха нарочито высокопарным. С.Липкин передает основную мысль строфы, но он "украшает" свой текст, усилив экспрессивность, при переводе отчасти теряется простота и внутренняя содержательность оригинала. Н.Беляев, используя сочетание "О, горе мне! Увы...", гораздо точнее передал основную мысль татарского поэта. Эта "точная неточность", то есть найденная переводчиком замена, играет значительную роль при передаче образного контекста, делает переводной текст более естественным. Переводы получились неравноценными оригиналу во всех отношениях, потому что не все особенности поэтики стиха татарского автора нашли отражение в произведениях на русском языке, но именно Н.Беляев на уровне отдельных слов, деталей, ритмического рисунка попытался передать многие отличительные черты стиля Дардменда.

В некоторых переводах С.Липкина трансформации подвергается и идейный уровень оригинала. Так, при переводе стихотворения "Без" ("Мы") он усиливает мотив фатальной обреченности человека перед высшими силами. Стихотворение Дардменда проникнуто особым восточным колоритом, что передается как на уровне лексики, так и развития отдельных тем. Значительная часть лексики оригинала отражает социально-политический строй и религиозные особенности, характерные для мусульманского Востока (падишаһлар – государи, повелители, нәбиләр – пророки, мөсафир – странник). Большое число арабо-персидских заимствований не только создает восточный колорит, но и особую патетику. С Востоком у Дардменда связаны метафоры (человеческие жизни проходят "за караваном караван", метафора сохранена переводчиком), указания на явления природы (веют ветры, перемещаются пески, стираются следы – в переводе "пески взметет бураном бед, исчезнет след"). С.Липкин находит вполне эквивалентные словесные формы на языке перевода, заменяет некоторые слова и словосочетания (например, вместо слова "падишаһлар", которое характерно для восточного видения мира, им использовано слово "цари" и т.п.). Однако стоит выделить некоторые потери, которые нашли отражение в переводе.

Дардменд в духе восточной поэтической традиции не нагнетает ощущения безнадежности, он как носитель мусульманского мироощущения спокойно говорит в последних строках о невозможности продлить время существования на земле. Да, ничто в мире не вечно, все когда-то уйдут

в небытие, и это поэт принимает, как подобает носителю мусульманской религиозной традиции, – смиренно ("Дэрийгъ, мэхзун күңел, без дә бетәбез!" – "Сожалеющая, горестная душа, и мы исчезнем!"). Третья строфа оригинала поражает нас точностью и оригинальностью словоупотребления, глубоким философским подтекстом. В последних двух строках Дардменд трижды останавливается, не заканчивая своей мысли: "Өеп чергән өмидне... төртте утны – Йотып утларны китте... яна-яна..."; "Складывая в кучу гниющую надежду... подожгло (речь идет о времени) – Ушел, глотая огонь, ... горя-горя". В данном случае Дардменд воспользовался приемом умолчания. Умолчание мобилизует контекстуальное воображение читателя: наше внимание концентрируется на том, что именно замалчивается, при этом контекст позволяет реконструировать прерванную мысль до цельности.

В переводе С.Липкина множество замен, и они вполне обоснованы: индивидуальный стиль Дардменда нельзя воспроизвести на русском языке. В то же время мы видим потерю образности. Переводчик заканчивает стихотворение словами: "И привела его дорога ... на костер...". Тем самым вместо образа огня он вводит в стихотворение образ костра. Последние строки Дардменда прочитываются в духе суфийской философии: человек не просто уходит в небытие, он сгорает и тем самым приобщается к истине, после смерти обретая высшую суть бытия. Суфийского мироощущения С. Липкин не увидел, и стихотворение у него заканчивается трагически: костер означает полное исчезновение. Перевод получился более открытым для читателя, в нем не прочитывается тот глубинный подтекст, который свойствен стихотворению татарского поэта, объективный смысл оригинала намного шире пессимистического настроения, присущего переводному произведению.

Н.Беляев и С.Липкин по-своему интерпретируют многие стихотворения Дардменда, вступая в сотворчество с ним, каждый из них по-своему передает ту информацию, которая заложена в оригинале. Так, они, на наш взгляд, не в полной мере смогли передать своеобразие стихотворения "Жэй үтте" ("Лето ушло"). За картиной природы, представленной Дардмендом в этом произведении, скрывается иносказание, содержащее определенную философско-нравственную сентенцию. Н.Беляев при переводе трансформировал форму стихотворения Дардменда: переводное произведение состоит из восьми строк вместо оригинальных семи. Трансформации подвергается не только форма стиха, но и идейно-тематическое содержание. В переводе Н.Беляева уси-

ливается трагическое мироощущение поэта, перед словом "соловей" в шестой строке появляются слова "Боль, боль...", которых нет в оригинале. У Дардменда трагизм выражается косвенно, имплицитно, через весь строй стихотворения (метафоры, поэтические детали, ритмико-интонационный строй), а в переводе он выражается непосредственно через лексику. С.Липкин в большей степени сохраняет индивидуальные особенности оригинала, его перевод не лишен трансформационных изменений, но они вполне обоснованы.

Рассмотрим перевод строки "Күк тугайның баурына боз урнашты" (В печени голубой долины поместился лед): "Сердце синей долины сковал ледок" (перевод Н.Беляева); "Серой лужайки душа заморожена льдом" (перевод С.Липкина). Как можно заметить, вместо слова "бавыр" (печень) переводчики употребили слово "сердце" (Н.Беляев) и "душа" (С.Липкин). Такие замены обоснованы, потому что реципиенты, незнакомые с мифологическими представлениями тюркских народов, не могли бы уловить основную мысль оригинала, если бы переводчики использовали точное словарное соответствие. Вместилищем души в мифологии считаются разные органы: печень, сердце, легкие и т.п., в русской же традиции именно сердце тот сосуд, в котором скрыта душа, связывающая человека с высшим миром. Точное словарное соответствие в данном случае могло привести к искажению смысла оригинала, просто потому что в переводящей культуре отсутствует тот минимальный опыт, который обуславливает воссоздание необходимых для адекватного восприятия текста ассоциаций и представлений, связанных с исходным художественным целым.

Подобные же трансформационные изменения касаются и перевода слова слово "тугай". В татарско-русском словаре это слово переводится как пойма реки. Реалии такого типа создают особую культурно-оценочную картину мира, в которой предметы, знакомые разным культурам, сопровождаются различной эмоционально-ассоциативной окраской. Слово "тугай" является составляющей национальной картины мира татарского народа, выбор лексических единиц из ресурсов русского языка ("долина", "лужайка") не приводит к потере художественной информации, заложенной в оригинале.

Сопоставление переводов с текстами оригинала показывает, что подвергается значительным изменениям план выражения эмоций. Переводчики как носители другой культуры не раскрывают в полном объеме те глубинные смыслы, которые заключены в стихах Дардменда. Полутона,

приглушенные краски, намеки, представленные в тексте оригинала, при переводе становятся более зримыми, выпуклыми, возможно, здесь можно говорить об особом случае интерференции, когда переводчик испытывает сильное влияние русского языка, для которого, как известно, характерна особая эмоциональность. Чаще всего переводчики, передавая основную мысль стихотворения, "украшают" свой текст, усиливая экспрессивность. При переводе отчасти теряется простота и глубинные подтексты оригинала. Дардменд относится к числу поэтов, которые не стремятся выставлять на поверхность основную идею произведения, он объясняется намеками, при помощи деталей, тщательно выбирает слова из синонимических ресурсов татарского языка. В поэтическом лексиконе Дардменда значительное место занимают слова "моң", "хәсрет", "сагыш", которые мы можем обозначить как "грусть", "тоска", причем слову "моң" мы не найдем эквивалента в русском языке. Переводы же получились более открытыми для читателя, в них исчезла "нюансовость" мышления татарского поэта.

Практически оказались невоспроизведенными фонологические особенности стихотворений Дардменда (разнообразные внутренние рифмы, основанные на звуковом своеобразии татарского языка, а также традиции восточной поэзии). Трудными для перевода оказались строфика и рифмовка стихотворений татарского поэта. В стихах Дардменда встречаются разные виды рифмовки, нельзя сказать о том, что поэт привержен какой-либо одной рифме: в его стихах встречается как перекрестная, так и парная рифмовка. В переводах же чаще всего происходит трансформация оригинальной рифмы, в частности, С.Липкин более привержен парной рифмовке, Н.Беляев же в большей степени ориентирован на сохранение рифмы оригинала.

Своеобразие силлабической строки оригинала переводчики воспроизводили, опираясь на традиционные ресурсы русского стихосложения. Поэтому переводы были осуществлены в рамках двухсложной стихотворной стопы, а именно ямба. Ямбическая строка чаще всего лишает перевод некой внутренней напряженности и лаконичности, к тому же многочисленные пиррихии способствуют ускорению ритма по сравнению с оригиналом.

Стихотворение Дардменда "Жэй үтте" ("Лето ушло") было написано метром аруза – раджаз-и мусадас-и махзуф (мустаф'илун мустаф'илун маф'улу) [8: 32]. По словам Х.Курбатова, "по реальному своему звучанию аруз здесь не традиционный напевный, а говорный. Говорное звучание эти стихи приобрели благодаря разбивке целых

стихотворных строк на отдельные синтагмы, каждая из которых несет на себе интонационно-логическое ударение и заканчивается ритмическо-смысловой паузой" [9: 92]. При переводе же Н.Беляев и С.Липкин воспользовались сочетанием двух- и трехсложного стихотворного размера.

Таким образом, сравнительный анализ переводов стихотворений Дардменда, выполненных Н.Беляевым и С.Липкиным, подтверждает наблюдения о том, что любое переводное произведение не может обойтись без потерь. Произведения на переводящем языке в большей мере способны сказать об особенностях творческой манеры самих переводчиков, а не о поэтике татарского поэта. Как писал П.Тороп, "переводчику в принципе недоступен синкретизм автора. Перевод по типу более рациональный текст, чем подлинник, интуиция автора становится знанием (или непониманием) переводчика, имплицитные свойства текста часто нуждаются в экспликации" [10: 67]. В переводах С.Липкина и Н.Беляева мы наблюдаем одинаковые тенденции к усилению эмоциональной составляющей поэтического текста. Переводчики лишают стихотворения татарского поэта неповторимой, подлинно дардмендовской интонации, при этом число опосредованных соответствий, довольно часто встречающихся в переводных произведениях, говорят о том, что Н.Беляев и С.Липкин ориентированы на *своего* читателя. В то же время, с нашей точки зрения, в большей степени передают особенности поэтики Дардменда именно переводы Н.Беляева.

* * * * *

1. *Саянова А.М.* Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. – Казань: Изд-во "Алма-Лит", 2006. – 246 с.
2. *Халит Г.* Многоликая лирика. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1990. – 336 с.
3. *Нигматуллина Ю.Г.* Национальное своеобразие эстетического идеала. – Казань: Изд-во КГУ, 1970. – 210 с.
4. *Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. – СПб: Симпозиум, 2006. – 574 с.
5. *Дәрдемәнд.* Исә жилләр. Шигырьләр. – Казан, 1980. – 255 с.
6. *Дәрдемәнд.* Стихи. Перевод с татарского. – Казань, 1970. – 95 с.
7. Антология татарской поэзии. – Казань: Таткнигоиздат, 1957. – 606 с.
8. *Курбатов Х.Р.* Ритмика татарского стиха. – Казань, 2005. – 92 с.
9. *Курбатов Х.Р.* Структурно-линейный анализ языка поэзии (лирические миниатюры) // Советская тюркология. – Баку. – 1975. – №6. – С.91-96.
10. *Тороп П.* Тотальный перевод. – Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1995. – 220 с.

**THE PROBLEMS OF TRANSLATION OF THE POEMS
BY DARDMEND INTO RUSSIAN**

E.F.Nagumanova

The article presents the analysis of the translations of Dardmend's poems into Russian, the transformational changes caused by the differences in the lexical systems of two languages, and poetic peculiarities of the works of the Tatar poet.

Key words: translation, poetics, transformational, syllabic, aruz.

* * * * *

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна – доцент кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: ehlviran@yandex.ru